

Сун Юй в душе тоже колебался, чувствуя, что собеседник, кажется, действительно что-то знает.

— Пустяковые недомогания.

— Пустяковые болезни, если их не лечить, превращаются в серьёзные проблемы, — вздохнул Гуань Яо.

Сун Юй кивнул.

— Второй брат, откуда ты вернулся?

— Три месяца назад я сначала отправился в Шу Юй, а потом поднялся в Фуцзин.

— Второй брат встречался с генералом Ляном? — Сун Юй приподнял бровь. — Как обстоят дела в Шу Юй?

Гуань Яо кивнул.

— Там стало спокойнее. Сто тысяч отборных солдат стоят в городе Байди, а бунтовщики — это всего лишь бандиты.

— Генерал Лян обладает и мужеством, и мудростью. То, что он смог удержать две области за три года, действительно вызывает восхищение. — Сун Юй, вспомнив Лян Лина, действительно считал его достойным уважения человеком.

Гуань Яо улыбнулся.

— Да, он действительно рождён быть полководцем.

— Тогда зачем ты потом вернулся в Фуцзин? — Сун Юй выровнял губы. — Чу Мин?

— Он не знает, что я был в Фуцзине. — Голос Гуань Яо стал легкомысленным. — За последние два года он, кажется, совсем с ума сошёл.

Сун Юй почти испытывал отвращение к имени Чу Мина.

— Он очень подозрителен, если узнаёт...

— Чу Мин и дядя Чу при дворе всё больше ссорятся. Теперь, когда у Чу Мина родился сын, дядя, вероятно, не сможет долго сопротивляться. — Гуань Яо выпрямился.

— Если так, то в день, когда император уйдёт в мир иной, Дали не попадёт в руки дяди Чу. Почему бы тебе не посоветовать дяде Чу отступить? — Сун Юй нахмурился.

Гуань Яо, естественно, понимал эту логику. Чу Мин был сыном, которого император выделял, а этот Чу Юань был всего лишь великим князем Дуань, дядей, у которого не было ни военной власти, ни подготовки к трону. Кто угодно понимал, что умный человек должен знать, когда отступить.

— Мы с тобой обязаны дяде Чу. Мы можем помочь ему удержаться при дворе хотя бы на один день. Чу Мин, этот человек, который считает свою жизнь ничтожной, если он действительно укрепитя на троне, то не только дядя Чу, но и ты, и я станем жертвами.

Гуань Яо, вспомнив слова Чу Мина о драконьем троне и фениксовом кресле, невольно усмехнулся в душе.

— Именно так. Нужно убедить дядю Чу отступить как можно скорее, зачем бороться за эту временную власть? — Сун Юй был немного раздражён.

Гуань Яо не мог ответить.

— Мы всего лишь слуги, слушаем и подчиняемся.

— Если однажды Чу Мин действительно сядет на трон, что будет с народом... — Сун Юй посмотрел на него с таким взглядом, который должен был вызвать чувство вины.

— Дела императорской семьи не в нашей власти. Хотя я и помогал Чу Мину, но судьба predetermined. Кто знает, может, Чу Мин и не станет завтрашним императором. — Говоря это, Гуань Яо невольно усмехнулся.

Сун Юй тяжело вздохнул.

— Второй брат, оставь Чу Мина.

Гуань Яо замер на мгновение, прежде чем сказать:

— Сейчас ещё не время.

— В этом огромном мире разве только его заговорённая вода может спасти тебя? Повинуясь его приказам, разве это не то же самое, что болезнь? — Сун Юй фыркнул.

Гуань Яо понимал беспокойство Сун Юя, но не хотел говорить того, что было у него на душе.

— Я следую за ним, потому что у меня есть свои планы. Не беспокойся слишком сильно обо мне, я знаю меру. Чу Мин не сможет тронуть меня.

Сун Юй снова проглотил кучу слов.

— Однако у меня есть хорошие новости для тебя. — Гуань Яо похлопал по одеялу.

Сун Юй был равнодушен, так как не мог представить, что в этом году могут быть какие-то хорошие новости.

— Говори, второй брат.

— Двор отправил новых солдат на северо-запад, и император издал указ, требующий завершить северную кампанию к концу года. — Гуань Яо улыбнулся с глубоким смыслом. — Если кампания завершится успешно, то следующей весной Цзинъюнь, возможно, вернётся.

Услышав имя Сяо Кана, сердце Сун Юя дрогнуло.

— Правда?

Сун Юй с трудом сдерживал волнение.

Гуань Яо увидел, что у него на уме.

— Это правда. Однако следующая весна — лишь предположительная дата. Когда он вернётся, зависит от его способностей.

— Хм.

Радость в сердце Сун Юя смешалась с беспокойством.

— Цзинъюнь ушёл на два года, не слишком долго, но и не коротко. За это время он не прислал ни одного письма. Это действительно тяжело для его жены и... для тебя. — Гуань Яо специально смягчил последнее слово.

Сун Юй потер шею.

— Тяжело ему. Эти два года я каждый день боялся, что старший брат придёт ко мне во сне и упрекнёт за то, что я не смог уберечь Цзинъюня.

— Если бы старший брат был здесь, он бы не упрекнул тебя. — Гуань Яо за эти два года много раз утешал его. — Кстати, кто этот Юэ Чжунсин снаружи?

— Я спас его у подножия горы. Ему некуда было идти, вот он и остался. — Сун Юй ответил кратко.

Гуань Яо задумчиво кивнул.

— Он, кажется, не обычный человек.

— Наверное, у него есть какие-то способности. — Сун Юй не углублялся в личность Юэ Чжунсина. — Кажется, в крепости его любят.

— Это, по крайней мере, хорошо. За последние два года в крепости стало меньше талантливых людей, остались только старики, женщины и дети.

После того как Сяо Кань ушёл, такие молодые люди, как Лю Чжицзе и Ли Шаою, тоже разлетелись в мир за пределами гор. Одни занялись торговлей, другие стали странниками, все они стремились к своим мечтам, считая крепость Хэйяо своим домом.

На следующий день температура Сун Юя окончательно спала, и он рано утром встал с постели. Только открыв дверь, он увидел Юэ Чжунсина, стоящего снаружи.

— Дядя Сун.

Юэ Чжунсин не спешил.

— Что ты делаешь у моей двери рано утром? — спросил Сун Юй.

Юэ Чжунсин отступил на несколько шагов.

— Я хотел проверить, как ты себя чувствуешь, вдруг ты впал в забытие.

— Уже всё в порядке, не беспокойся об этом. — Сун Юй был немного благодарен, но не мог выразить это.

— Ну и хорошо. Я только что вернулся из кухни, принёс еду. Дядя Сун, давай поедим вместе. — Юэ Чжунсин потряс вещами в руках.

Сун Юй посмотрел на небо. Рассвет только наступил, и в такую холодную погоду встать так рано было нелегко.

— Хорошо, спасибо.

Еда, которую Юэ Чжунсин принёс из кухни, была неплохой и пришлась по вкусу Сун Юю. После болезни он был голоден.

— Дядя Сун.

Юэ Чжунсин, разламывая гречневый пирог, смотрел, как тот с аппетитом ест, и его еда становилась слаще.

— Что?

Сун Юй дул на горячий суп.

— Ээ...

Юэ Чжунсин просто невольно хотел позвать его.

— Скоро Новый год.

Сун Юй по-прежнему не поднимал головы.

— Хм.

— Что обычно делают в крепости на Новый год? — Юэ Чжунсин начал тему.

Сун Юй подумал.

— Едят, пьют, поют, танцуют, рубят зелёные ветки, наливают вино.

— А будут ли ходить в горы с фонарями?

Поход в горы с фонарями — это когда каждая семья выбирает один из трёх дней в году, чтобы вечером с фонарём пройтись по горе, чтобы утешить духов.

Однако это всегда делал Сяо Кань, и Сун Юй ходил с ним два раза. После того как Сяо Кань ушёл, это мог делать только Сун Юй.

— Будут.

Еда во рту Сун Юя, кажется, потеряла вкус.

Юэ Чжунсин проглотил последний кусок пирога.

— Тогда я могу пойти с тобой?

— Зачем тебе? — Сун Юй положил ложку.

— Дядя Сун, я же... хочу соблюдать местные обычаи. — Юэ Чжунсин кашлянул. — Или я, как приезжий, не могу?

Сун Юй подумал.

— Можешь, но не нужно.

— Я...

Юэ Чжунсин как будто подавился.

— Дядя Сун, ты меня так сильно ненавидишь?

Сун Юй тоже как будто подавился. Он прочистил горло.

— Я не люблю быть с людьми, не знаю, как с ними общаться.

— Правда?

Юэ Чжунсин не поверил.

— Если дядя Сун меня ненавидит, я...

— У меня нет времени на такие мысли. Если хочешь, иди.

Сун Юй иногда чувствовал, что разговор с ним утомителен.

Глаза Юэ Чжунсина сразу засветились.

— Хорошо.

Северо-западное пограничье, военный лагерь.

— Цзинъюнь!

Чу Сы ворвался в палатку Сяо Кана.

— Брат Чу...

Сяо Кань, держась за левую руку, на которой зияла кровавая рана, скривился от боли.

— Почему врач ещё не пришёл? — Чу Сы, глядя на рану, почувствовал, будто боль передалась и ему.

Сяо Кань взял кусок чёрной, похожей на грязь массы и прижал к ране.

— В лагере бесчисленное количество раненых, как можно заботиться только обо мне?

— Эта рана, кажется, глубокая, нельзя затягивать. — Чу Сы, глядя на капли крови на земле, почувствовал головокружение.

Сяо Кань вдохнул, и на его висках выступил пот.

— Иди, под моей кроватью есть корзина, найди чёрный мешочек, там лекарство.

Этот чёрный мешочек с лекарством был дан ему Чжао Линьцзяном. За эти два года, полные больших и маленьких ран, он не мог обойтись без этого мешочка.